

ДЖАЗ

Бурлаки с Ямайки

Трио Монти Александера в "Ле Клубе"

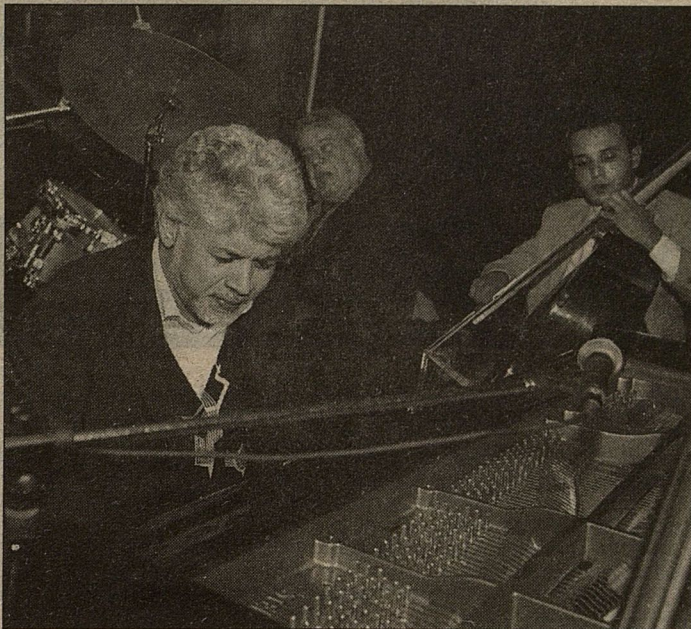

Фото П.КОРБУТА

Трио Монти Александера

За последние несколько лет в Москве побывало немало джазовых звезд. Бесспорно, что "Ле Клуб" и торговая марка "Парламент" в деле добычи именитых гастролеров последнее время держат пальму первенства. Поэтому не случайно, что в начале августа многие любители джаза пожертвовали дачным отдыхом в обмен на колоссальный заряд эмоций, который подарил нам приглашенный Игорем Бутманом гость "Ле Клуба" пианист Монти Александер. Изюминка проекта для тех, кому это имя мало о чем говорит, заключалась в том, что Александер представлял не американский и не европейский джаз. Стиль музыканта сформировался под влиянием родных для него ямайских ритмов, и эта основа, переплетаясь со многими джазовыми веяниями нескольких десятилетий, обогатившаяся опытом музицирования с исполнителями самых разнообразных стилевых направлений — от традиционного джаза до поп-музыки, вылилась в неповторимую, своеобразную манеру игры и мышления. Классическое трио в лице лидера Монти Александера за фортепиано, басиста Дэвида Петрокки и барабанщика Мартина Дрю исполняло джазовые стандарты. Правда, каждая тема с самого начала столь изысканно переосмысливалась музыкантами, что фактически могла быть воспринята как творение абсолютно новое. Композиции трио порой звучали как раз-

вернутые, "прописанные" биг-бэнд-овые аранжировки — многочастные пьесы с несколькими темпоритмовыми сменами, неожиданными рифмами и совершенно непредсказуемыми в плане стилистических "уходов" приемами развития. Участники ансамбля были абсолютно на равных: в многочисленных соло баса Дэвид Петрокка продемонстрировал очень красивый, насыщенный звук и блестящую виртуозность, Мартин Дрю показал высочайший класс аккомпанемента, играя очень мягко и великолепно расцвечивая свои соло разнообразными тембрами тарелок и гулких том-томов. Фирменный стиль Монти Александера — соединять в одной композиции пару различных тем, давать намеком, в контрапункте, гармоническую сетку с мелодическим остовом третьей, столь же известной, облачать стандарты в новые ритмические "одежды" от свинга до рэгги. Такая свобода обращения с арсеналом джазовых стандартов, помноженная на строжайшую логику, не есть ли пик совершенства? И когда в коде одной из композиций столь же естественно, сколь и неожиданно, появилась песня "Эй, ухнем!", нарисовалась почти сюрреалистическая картина, как волжские бурлаки ходили на Ямайку. Что только не привидится, когда слушаешь джаз.

Анна ВЕТХОВА